

ПЕРМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по
средамъ. Цѣна за годъ 5
руб., за 8 мѣсяцевъ 1867 го-
да 3 рубля.

№ 51.

Подписка принимается въ
Редакціи Епархіальныхъ Вѣ-
домостей, при Пермской ду-
ховной семинаріи, въ Перми.

18 Декабря 1868 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Постановленіе консисторіи. Извлеченіе изъ журнала Учебнаго Комитета при св. Синодѣ съ отзывами объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, при-
знаваемыхъ полезными къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ
[продолженіе]. Пожертвованіе. Исключенные изъ духовнаго званія. Служеніе Его Пре-
освященства. Объявленія.

I. ОСОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Пермской духовной консисторіи 13 ноября 1868 года.

Слушали: Дѣло о непріятіи сельскими обществами домовъ священно-
церковно-служителей Пермской епархіи къ застрахованію на равнѣ съ
крестьянскими. Обстоятельства сего дѣла таковы: шадринскаго уѣзда Зама-
раевского села Знаменской церкви священноцерковнослужители, въ октябрѣ
мѣсяцѣ 1867 года, внесли въ Замараевское волостное правленіе деньги, за
застрахованіе своихъ домовъ, но волостное правленіе объявило имъ, что
страхованіе это не утверждено общимъ Пермскимъ по крестьянскимъ дѣламъ
присутствіемъ и потому отказало. Посему они просили ходатайствовать предъ
вышимъ начальствомъ о дозволеніи страховать свои дома паравнѣ съ
крестьянскими. — Вслѣдствіе такового рапорта Пермская духовная консисторія,
28 мая сего года, за № 5570, сообщала о семъ въ Пермское губернское

по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое 7 іюня за № 3870, увѣдомило консисторію, что за силою 6 ст. Высочайше утвержденного 25 іюня 1867 года положенія о взаимномъ губернскомъ страхованіи сельскихъ строеній дома священноцерковнослужителей не могутъ быть приняты къ страхованію. Въ положеніи о взаимномъ губернскомъ страхованіи домовъ сказано: Взаимному страхованію въ каждой губерніи подлежатъ обязательно всѣ находящіяся въ уѣздахъ той губерніи, частныя и общественныя постройки, принадлежащія а) лицамъ сельскихъ сословій, б) отставнымъ и отпускнымъ нижнимъ чинамъ, водвореннымъ въ уѣздахъ и в) мѣщанамъ, живущимъ въ селеніяхъ и такихъ мѣстечкахъ, кои не имѣютъ городского устройства. **П р и к а з а л и:** Объявить причту шадринскаго уѣзда, Замараевского села Знаменской церкви, чрезъ благочиннаго протоіерея Михаила Кузовникова, чтобы онъ свои дома застраховалъ въ какомъ либо частномъ страховомъ обществѣ. А какъ изъ производящихся въ Пермской духовной консисторіи дѣлъ усматривается, что со стороны духовенства Пермской епархіи на счетъ страхованія своихъ домовъ наравнѣ съ крестьянскими въ волостныхъ правленіяхъ возникаютъ вопросы, то, чтобы предупредить о семъ предметѣ переписку, объявить о семъ распоряженіи консисторіи духовенству Пермской епархіи, чрезъ Пермскія Епархіальныя Вѣдомости, для чего въ редакцію оныхъ передать кошію съ сего постановленія.

II. ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ журналовъ Учебнаго Комитета при святѣйшемъ Синодѣ съ отзывами объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, признаваемыхъ полезными къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.

4. По Русскому и Церковно-Славянскому языку.

(Продолженіе.)

VI. *Русская грамматика* г. *Классовскаго* раздѣлена на два курса (1-й *приготовительный* 3 изд., 1865 г. стр. 92, а 2-й изд. 3, 1866 г. стр. 352.), изъ коихъ первый, по его словамъ (стр. II), безъ втораго недостаточенъ, а второй безъ перваго недоступенъ для учащихся. “ Въ 1-мъ курсѣ практически указаны основанія главнымъ вопросамъ грамматики, по

словамъ автора „физиономія частей рѣчи и предложеній.“ Этотъ курсъ имѣетъ неоспоримое достоинство и превосходитъ всѣ вышеозначенные предварительные курсы по многимъ простымъ и вѣрнымъ приемамъ и подступамъ въ объясненіяхъ. Нельзя вполнѣ того же сказать про 2-й курсъ, заключающій въ себѣ этимологию и синтаксисъ. Въ этимологіи авторъ излагаетъ свойства и принадлежности частей рѣчи, начиная съ глагола, совершенно отдѣльно отъ измѣненій ихъ въ склоненіи и спряженіи. Такое раздробленіе и размѣщеніе частей дѣлаго, въ нѣкоторой степени ослабляетъ опредѣленность и полноту представленія ихъ. Въ синтаксисѣ статья о согласованіи и управленіи слабѣе развита сравнительно съ другими грамматиками. При многихъ основательныхъ объясненіяхъ частныхъ, теоретическая сторона этого учебника, по мѣстамъ, не безукоризненна. Здѣсь указывается только на нѣкоторые случаи, особенно важнѣйшіе:

1) Вопросъ о раздѣленіи частей рѣчи на *знаменательныя* и *служебныя* до сихъ поръ рѣшается въ нашихъ грамматикахъ не одинаково. Г. Класовскій представляетъ его (стр. 29—2 курса) невѣрно, относя къ знаменательнымъ имена числительныя и мѣстоимѣнія, совершенно служебныя, ибо они не имѣютъ самостоятельнаго содержанія.

2) Раздѣленіе глагола на два вида (стр. 37—2 курса): *кратный* и *безкратный* и допущеніе потомъ подраздѣленій ихъ до 7-ми не уясняетъ этого труднаго вопроса.

3) Недостаточно отнести къ существительнымъ всѣ имена *прозвищныя* или фамильныя, напр. *Ломоносовъ, Жуковскій, Жадовская*, (стр. 63—3 курса) и указать на образованіе ихъ изъ прилагательныхъ; необходимо напомнить, что склоняемыя формы у нѣкоторыхъ изъ нихъ остались прилагательныя.

4) Отличительною чертою этой грамматики нужно признать усиліе автора всегда точнѣе опредѣлить разсматриваемый частный случай. Для этого онъ представляетъ его съ разныхъ сторонъ, а въ заключеніи иногда опускается изъ виду указанная уже черта предмета и такимъ образомъ онъ является тутъ не вполнѣ опредѣленнымъ. Для примѣра можно указать въ этомъ отношеніи на два случая: а) на стр. 2—2 курса опредѣляется грамматика такъ: „Наука о словесномъ языкѣ и о дополняющемъ его языкѣ *письменномъ* называется *грамматикою*, которую можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: грамматика вообще есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ составныхъ частей и свойствъ *словеснаго* языка,“ а письменный упущенъ изъ виду, не смотря на то, что упомянуть выше.

5) Не касаясь мелких обмолвокъ, нельзя не замѣтить другой особенности этого учебника, состоящей въ томъ, что для объясненія нѣкоторыхъ случаевъ призываются въ немъ на помощь данныя изъ сравнительной грамматики, исторической и философской (стр. 3, 4, 21, 75, 100 и др.), какъ въ грамматикахъ Перевлѣскаго и отчасти А. Смирнова; но приведенныя данныя нерѣдко остаются здѣсь въшнюю прибавкою и не простираютъ взгляда на весь грамматическій строй языка.

6) На стр. 27 и 28 многосложное опредѣленіе глагола не сведено даже къ общему выводу.

По соображеніи означенныхъ свойствъ этой грамматики и мелкихъ обмолвокъ, при всѣхъ ея добрыхъ качествахъ въ практическомъ отношеніи, нѣтъ основанія предпочесть ее другимъ учебникамъ, превосходящимъ ее строгостію и отчетливостію научныхъ приемовъ. Къ числу такихъ принадлежатъ грамматики П. Перевлѣскаго и А. Смирнова.

VII. „Практическая русская грамматика“ П. Перевлѣскаго въ трехъ частяхъ (въ 1-й части введеніе и начало грамматики, изд. 5, 1864 г. стр. 66; во 2-й этимологія, изд. 5, 1867 г. стр. 112; въ 3-й синтаксисъ изд. 6-е, 1863 г. стр. 104; Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ: при 1-й части 694 стр. и словарикъ на 9 стр.;— при 2 ч. на 416 стр. 3, при 3 части на стр. 434—4), изъ которыхъ первая служить предварительнымъ курсомъ, — отличается отъ всѣхъ вышепоименованныхъ а) болѣе вѣрнымъ пониманіемъ задачи грамматики, б) болѣе основательными сужденіями о явленіяхъ языка на усвоенныхъ современною наукою началахъ, в) изложеніемъ грамматическихъ данныхъ языка современнаго въ связи, въ важнѣйшихъ случаяхъ, съ ихъ исторіею и въ сравненіи съ родственными языками, — г) параллельнымъ представленіемъ формъ современнаго литературнаго языка въ склоненіяхъ и спряженіяхъ съ формами старославянскаго въ древнѣйшемъ ихъ видѣ. Въ этомъ трудѣ нѣтъ разнорѣчій между однимъ мѣстомъ и другимъ, нѣтъ сбивчивости и неопредѣленности въ объясненіяхъ. На этомъ основаніи можно надѣяться, что изучившему строеніе языка по такому руководству, поставленному въ уровень съ современнымъ научнымъ возрѣніемъ на предметъ, не придется потомъ, при самомъ высшемъ филологическомъ образованіи, переучиваться грамматикѣ, какъ нерѣдко случалось. Самымъ методомъ своимъ, строго опредѣленнымъ, книга эта можетъ повліять благопріятно на развитіе мышленія ученика въ строгой логической послѣдовательности и отчетливости.

Представляя эту грамматику за лучшую изъ существующихъ, въ то же

время необходимо указать на недостатки ея, касающіяся впрочемъ не существа дѣла, а болѣе внѣшней стороны; напр. въ синтаксисѣ недостаетъ двухъ, трехъ указаній на отношенія предложеній, упомянутыя въ грамматикѣ г. Смирнова; есть кое-что дѣйствительно излишнее для первоначальнаго учебника, особенно во 2-й части, гдѣ авторъ коснулся происхожденія нашей азбуки, областныхъ нарѣчій русскихъ, еще недостаточно опредѣленныхъ, и въ исторіи языка, — распределенія всѣхъ языковъ на земномъ шарѣ, по ихъ строю, въ два или четыре разряда. Можно бы желать упрощенія кое-чего, можно бы не требовать отъ учебника разсмотрѣнія и рѣшенія иныхъ случаевъ на столь широкихъ основаніяхъ, при помощи историческихъ и сравнительныхъ соображеній, какъ это сдѣлано въ ученіи о звукахъ и при объясненіи относительныхъ окончаній именъ въ этимологіи, но нельзя назвать что либо изъ всего этого неправильнымъ и неосновательнымъ хоть въ какомъ нибудь отношеніи. Дѣло преподавателя отложить болѣе трудное до послѣдующаго времени, до болшей зрѣлости учениковъ, облегчить пониманіе нѣкоторыхъ мѣстъ болѣе практическимъ истолкованіемъ ихъ, въ примѣрахъ, въ которыхъ недостатка нѣтъ и въ учебникѣ.

VIII. Тѣ же достоинства и во всѣхъ трехъ книгахъ „Учебника Русскаго языка“ г. А. Смирнова (годъ 1-й *Основаніе синтаксиса и этимологіи*, изд. 6, 1863 стр. 140; годъ 2-й *Этимологія* изд. 4, стр. 172; годъ 3-й *Синтаксисъ*, изд. 2-е 1860 стр. 140), какія указаны въ трудѣ г. Перевлѣскаго; но между этими грамматиками есть и различіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ: а) трудъ г. Смирнова отличается болѣе подробнымъ, рѣзче на видъ выставленнымъ, указаніемъ логическихъ формъ мыслей, отношеній ихъ и объясненіемъ соответственнаго всему этому устройства предложеній, ихъ связей въ рѣчи; б) указаніемъ и объясненіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, частныхъ случаевъ въ отношеніяхъ предложеній; в) приведеніемъ въ синтаксисѣ множества примѣровъ изъ старо-славянскаго языка, латинскаго, французскаго, изрѣдка греческаго и всего болѣе изъ нѣмецкаго, безъ истолкованія, однакожъ, ихъ значенія и прямыхъ отношеній къ русскому современному языку. Такимъ образомъ въ послѣднемъ отношеніи только подготовленъ обильный матеріалъ для сравненій и выводовъ. Учебникъ г. Перевлѣскаго, нѣсколько уступая въ этихъ отношеніяхъ труду г. Смирнова, превосходитъ его тѣмъ: 1-е, что все ученіе его построено на выводахъ историческаго и сравнительнаго языкоученія, которое вошло въ плоть и кровь его труда, а не является случайнымъ сопоставленіемъ; 2-е, представленіемъ старославянскихъ формъ и въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ рядомъ съ совре-

менными въ такой подробности, что этимъ наглядно указывается ученику а) различіе между ними и б) основанія принятаго у насъ правописанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

При такихъ обстоятельствахъ не легко рѣшить, которая изъ этихъ двухъ грамматикъ могла бы быть наиболѣе удовлетворительнымъ руководствомъ. Но при каждой изъ трехъ частей грамматики г. Перевльскаго приложенъ сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ, въ родѣ христоматіи, чего нѣтъ при учебникѣ г. Смирнова. Этотъ сборникъ, кромѣ обилія матеріала, имѣетъ три важныя достоинства: а) на каждый случай онъ представляетъ въ своемъ мѣстѣ много литературныхъ статей, въ которыхъ встрѣчаются грамматическія особенности подлежащаго разрѣшенію вопроса и практически могутъ быть указаны наставникомъ и наглядно уясняться для ученика. Безъ такого подбора статей на разные случаи, находящагося всегда подъ рукою, въ опредѣленномъ мѣстѣ, наставникъ иногда рискуетъ прочесть съ учениками не одну статью въ обыкновенныхъ христоматіяхъ и не встрѣтитъ искомаго. А здѣсь ему остается только осмыслить данныя въ статьяхъ и уяснить законъ, опредѣляющій ихъ существованіе въ томъ или другомъ видѣ; б) при каждомъ отдѣлѣ статей указанъ практической способъ изученія языка, состоящій въ разборѣ вещественномъ, логическомъ, этимологическомъ и синтаксическомъ, а словари иноязычныхъ словъ могутъ служить отличнымъ и сподручнымъ пособіемъ въ своемъ родѣ; в) кромѣ образцовъ современнаго языка, въ сборникахъ есть также нѣсколько статей старославянскаго языка и старорусскаго, которыя могутъ служить матеріаломъ для практическихъ упражненій учениковъ и наглядно ознакомить ихъ съ отличительными чертами стараго и новаго устройства рѣчи во всѣхъ отношеніяхъ.

По соображеніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, изъ всѣхъ полныхъ грамматикъ русскаго языка, слѣдовало бы предпочесть грамматику г. Перевльскаго въ трехъ книгахъ, какъ лучшій учебникъ для духовныхъ уѣздныхъ училищъ, заключающій въ себѣ и христоматію, при умѣренной цѣнѣ въ 1 руб. 50 коп. за всѣ три книги; а къ пособіямъ для учителя можно отнести 1, *Грамматику А. Смирнова* въ трехъ книгахъ, 2, *Историческую грамматику Булаева* и 3, *Высшій курсъ грамматики Стоянина*.

IX. *Славянская грамматика съ изборникомъ г. Перевльскаго* выше другихъ по строго научнымъ приемамъ, и потому вполне можетъ быть предпочтена грамматикѣ г. В. Классовскаго, ограничивающейся притомъ однимъ новымъ періодомъ славяно-церковнаго языка.

При указанныхъ учебникахъ и пособіяхъ можно надѣяться, что знаніе и усердіе наставниковъ, руководимыя опытностію, въ состояніи будутъ пробудить и изощрить въ учащихся столь необходимое въ языкознаніи: а) правильное чутье къ пониманію естественныхъ требованій русской рѣчи, внушаемыхъ смысломъ словъ и выраженій, и б) находчивость въ средствахъ для удовлетворенія ихъ изъ сокровищницы роднаго языка, издѣтства имъ знакомаго, но остающагося неосмысленнымъ. Разнообразныя, строго отчетливыя и въ постепенности располагаемыя практическія упражненія должны довершить остальное, образовавъ въ учащихся навѣкъ къ свободному и вполне ясному, устному и письменному выраженію духовной ихъ дѣятельности.

5. По Исторіи Русской Словесности.

Преподаваніе исторіи Словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ послѣднее время подвергалось довольно сильному колебанію. Препрежне краткое систематическое изложеніе ея ограничивалось большею частію перечисленіемъ всѣхъ, по возможности, писателей и важнѣйшихъ ихъ сочиненій, безъ особенно обстоятельнаго изученія представителей главныхъ эпохъ въ ея развитіи. Если же при этомъ довольствовались только приговорами учебника о значеніи писателя и ученики сами лично не изучали его произведеній, по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ, въ такомъ случаѣ исторія Словесности дѣйствительно не достигала своей цѣли — разъясненія, какъ выразился духъ народный въ словесномъ искусствѣ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи; ибо такое ученіе ограничивалось преимущественно внѣшнею стороною, второстепенными знаніями въ исторіи Словесности, которая походила болѣе на рядъ біографій съ бібліографическими замѣтками. Таковы были учебники: *Греча* и въ недавнее время *Зеленецкаго*. Для избѣжанія этого недостатка — сухости и поверхности изложенія, признали за лучшее не проходить всей исторіи Словесности, а ограничить ея изученіе нѣсколькими сочиненіями важнѣйшихъ ея представителей и избранныя сочиненія рассмотреть во всѣхъ отношеніяхъ. Это новое направленіе имѣетъ огромное преимущество предъ прежнимъ въ томъ, что разъясняетъ ученику значеніе прочитаннаго и разносторонне разобраннаго въ классѣ сочиненія какой либо эпохи, но при этомъ можетъ остаться неувимомъ связь и преемственность идей и идеаловъ, способовъ изложенія и выраженія въ словесныхъ произведеніяхъ разныхъ временъ, что въ исторіи Словесности также должно имѣть свое и притомъ самое видное мѣсто. Изъ слѣдующихъ трехъ сочиненій по

исторіи Словесности только трудъ г. Петрова принадлежитъ къ первому направленію.

1) „Курсъ исторіи Литературы (862—1862) съ библиографическими указаніями“ К. Петрова (Спб. 1867 г. стр. 186 XIII) обнимаетъ всю исторію Русской Словесности на незначительномъ числѣ страницъ. Самую лучшую черту въ этомъ учебникѣ представляетъ отдѣленіе народной словесности отъ книжной, проведенное по всему древнему періоду исторіи до XVIII в. На это прежде не обращали почти никакого вниманія и отдѣлъ народного творчества не получалъ должнаго себѣ разъясненія въ исторіи Словесности; да и у г. Петрова онъ представленъ лишь въ общихъ чертахъ въ указаніяхъ на тѣ или иныя народныя произведенія безъ разбора болѣе характеристическихъ изъ нихъ, какъ и отдѣлъ книжный. Въ послѣднемъ отдѣлѣ только у Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголи указаны идеи нѣкоторыхъ ихъ произведеній и характеры лицъ. Эта общность приговоровъ неподкрѣпленныхъ доказательствами сильно вредитъ основательности и убѣдительности изложенія и для учебника вовсе не годится; ибо можетъ приучить ученика къ поверхностному взгляду на дѣло даже и въ томъ случаѣ, если бы не сопровождалась не совсѣмъ вѣрными сужденіями о характерѣ писателей. Но отзывы г. Петрова особенно о нѣкоторыхъ произведеніяхъ А. Пушкина и Крылова, *не безукоризненны*. Стр. 101 наприм. говоритъ: „Другая эпоха, къ которой любилъ обращаться Пушкинъ, была эпоха Петра Великаго. Сюда относятся поэмы *Полтава* и повѣсти *Мѣдный всадникъ* и *Арапъ Петра Великаго*. Достоинство двухъ первыхъ заключается преимущественно въ пластичности и сжатости слога и въ прекрасныхъ описаніяхъ, но въ развитіи идеи тоже много противорѣчій.“ Здѣсь 1) приговоръ главнымъ образомъ основанъ на слогѣ, тогда какъ о слогѣ рѣчь должна быть послѣднею; 2) слогу придана пластичность, но при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній пластичность признаютъ не въ слогѣ, а въ способѣ изображенія предмета, представляемаго въ очертаніяхъ вполне оконченныхъ, рѣзко выдающихся, выпуклыхъ, полныхъ жизненныхъ свойствъ какъ въ пластикѣ фигуры; 3) словами: „въ прекрасныхъ описаніяхъ“ ровно ничего не сказано въ отвѣтъ на неизбѣжный вопросъ: въ описаніяхъ чего же? 4) не указаны ни идея, ни образы, ни событія, въ которыхъ идея воплощена поэтомъ, и потому 5) болѣе нежели странно было бы слышать отъ усердно выучившаго это мѣсто ученика, что *въ развитіи идеи* у лучшаго нашего поэта *много противорѣчій*, которыя между тѣмъ не указаны. На стр. 100 отзывъ о драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“ также общъ и бездоказателенъ. Въ на-

часть его сказано, что „драма эта написана под влиянием Карамзина, из истории которого Пушкинъ взялъ и идею и многія подробности, но въ приемахъ развитія подражалъ гениальному художнику Шекспиру... Изображаемое событіе взято изъ эпохи хорошо намъ извѣстной и по этому (?) въ драмѣ невольно видимъ противорѣчіе, напр. между поступками Бориса и нравственнымъ его состояніемъ, между идеею поэта и исторіею.“ Здѣсь 1) подражаніе Шекспиру слишкомъ рѣзко выставлено, ибо нѣтъ прямыхъ доказательствъ на это; допускаютъ подражаніе на основаніи тожества или сходства между произведеніями, а этого нѣтъ на дѣлѣ, да и выше уже сказано, что *идея и многія подробности* взяты изъ исторіи Карамзина, а не изъ Шекспира. 2) Въ подражаніи обыкновенно до нѣкоторой степени не строго вѣрнымъ создается предметъ; ибо создается по образу другаго, а не по родовымъ своимъ свойствамъ. По этому не вѣренъ приговоръ, что „въ описаніи дѣйствій Бориса и Самозванца Пушкинъ подражалъ Шекспиру,“ ибо подробнѣйшее сличеніе мыслей и дѣйствій этихъ лицъ у Пушкина и у Карамзина представляетъ поразительное тожество, а приемы развитія у Пушкина, какъ и у всякаго сильнаго дарованія, самостоятельны и столько же сходны съ приемами Шекспира какъ у Гете, Софокла и др. 3) Страно заключеніе, что въ драмѣ невольно видимъ противорѣчія, потому что событіе взято изъ эпохи, *хорошо (?) намъ извѣстной*. 4) Противорѣчіе между поступками Бориса и нравственнымъ его состояніемъ на дѣлѣ не доказано и нѣтъ основаній доказать его. Наконецъ 5) мысль о противорѣчій между идеею поэта и исторіею сама представляется разнорѣчіемъ, ибо выше сказано самимъ г. Петровымъ, что идея и многія подробности взяты поэтомъ изъ исторіи Карамзина; если же здѣсь подъ исторіею авторъ разумѣетъ мнѣніе новѣйшихъ историческихъ изслѣдователей о смерти Царевича Дмитрія, не обвиняющихъ въ ней прямо Бориса, какъ это представилъ Пушкинъ согласно съ Карамзинымъ; то и въ такомъ случаѣ нѣтъ прямого противорѣчія, ибо они и не оправдываютъ его совершенно. Къ такимъ недоказательнымъ мѣстамъ можно прибавить еще сказанное г. Петровымъ на стр. 75, что „для сужденія о достоинствѣ перевода (Одиссея Жуковскаго) у насъ есть очень вѣрныя данныя“ но гдѣ эти данныя и какія онѣ, — ни выше, ни ниже, и нигдѣ ничего объ этомъ не сказано.

Отзывъ о басняхъ И. Крылова не имѣетъ твердаго основанія. „Басни Крылова, говоритъ г. Петровъ на стр. 81, касаются недостатковъ общественныхъ, но не собственно русскихъ, а общечеловѣческихъ, о которыхъ говорятъ и Эзопъ, и Федръ, и Лафонтенъ, и Сумароковъ. Самому взгляду

его на общественную жизнь не достаетъ серьезности (?), какъ показываютъ басни: *Два голубя*, *Сочинитель и разбойникъ*, *Водолазы*. Мораль двухъ послѣднихъ очень проста, а идея первой *лично* принадлежала Крылову, который боялся всякихъ тревоженій и, подобно Обломову, любить дома лежать на диванѣ.“ Здѣсь 1) не вѣрно отрицаніе въ басняхъ Крылова русскаго содержанія, ибо въ большинствѣ его басенъ образы и картины взяты изъ русской природы съ чертами русской общественной жизни. 2) Странно было бы изъ устъ ученика слышать, что взгляду Крылова на общественную жизнь недостаетъ серьезности и довольствоваться доказательствами на то со стороны только трехъ поименованныхъ басенъ, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ мораль проста, а идея первой будто бы лично принадлежитъ Крылову. При этомъ не объяснено, въ чемъ же состоитъ простота морали и какъ доказывається ею недостатокъ серьезности во взглядѣ поэта на общественную жизнь. Что же касается до того, будто идея первой принадлежитъ лично Крылову, это совершенно ложно, ибо басня эта взята у Лафонтена и воспроизведена на русскомъ языкѣ даже не однимъ Крыловымъ, а раньше его; слѣд. указаніе на обломовщину здѣсь вовсе неумѣстно. Далѣе на стр. 82., указавъ на художественность какъ на главное достоинство басенъ Крылова, г. Петровъ не признаетъ возможнымъ приписать имъ въ такомъ же обширномъ смыслѣ *народность*, потому будто бы, что поэтъ „взявъ образы изъ народныхъ сказокъ, „многія черты животныхъ отбросилъ, и внесъ *такія, которыя не натуральны*, напр. представилъ Льва охотника до куръ. Черезъ это рассказъ очень близкій къ народной сказкѣ, лишился своей *наивности*, и этотъ недостатокъ невольно бросается въ глаза. Звѣриный міръ, изображаемый у народа *просто и естественно* со всеѣмъ разнообразіемъ его природныхъ свойствъ, у Крылова обозначенъ *немногими избранными* чертами необходимыми для сатиры. Вліяніе классицизма въ басняхъ очень замѣтно и поражаетъ тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ сильнѣе русскій элементъ.“ Здѣсь 1) изложеніе нѣсколько непослѣдовательно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; 2) съ лишеніемъ наивности въ рассказѣ басни будто бы слабѣетъ и народность его; но наивность не такая же важная черта въ народномъ рассказѣ, чтобы она одна могла придавать ему народность или лишать оной; 3) по одной баснѣ сдѣлано заключеніе, что поэтъ придалъ животнымъ черты ненатуральныя; 4) эти ненатуральныя черты признаны, однакожъ, избранными, т. е. наиболее подходящими или къ свойствамъ животныхъ, слѣд. самими натуральными, или къ цѣли разсказа, слѣдовательно въ аллегоріи. Онѣ, какъ избранныя, пригодны вести читателя къ выводу естественнымъ путемъ, ибо

ненатуральныя черты не могут способствовать этому; 5) вліяніе классицизма въ этихъ басняхъ Крылова выставлено слишкомъ рѣзко.

Во всей статьѣ о Крыловѣ не указано на самостоятельныя басни и на характеръ переводныхъ, на значеніе тѣхъ и другихъ и не разобрана ни одна изъ нихъ. Отсюда неполнота, непрактичность, кромѣ несостоятельности нѣкоторыхъ приговоровъ, невыдержанности ихъ и нѣкоторыхъ противорѣчій.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вмѣсто прямого объясненія литературныхъ данныхъ, представлены г. Петровымъ разсужденія по поводу этихъ данныхъ, не уясняющія ихъ свойствъ. Напр. на ст. 9 авторъ говоритъ, что рядомъ съ эпосомъ народа существовалъ у насъ эпосъ дружины, что онъ не сохранился въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, но „слѣды его легко отыскать на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей, гдѣ повѣствователь видимо увлекался дружинными началами.“ Въ хитрости и лукавствѣ В. Кн. Олега, В. Кн. Ольги и въ воинственности В. Кн. Святослава г. Петровъ видитъ идеалы дружиннаго эпоса. По поводу этихъ данныхъ онъ объясняетъ, что такое была дружина, почему хитрость славилась въ древности и какова была воинственность Святослава. Все эти разсужденія на двухъ страницахъ сами по себѣ и вѣрны, но къ исторіи Словесности вовсе не относятся, тѣмъ менѣе умѣстны въ краткомъ обзорѣ ея и по поводу мнимаго дружиннаго эпоса. А такія уклоненія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 23, 24, 47, 50 и др.

Указавъ въ сочиненіи Петрова на недостатки изложенія нѣкоторыхъ данныхъ исторіи русской Словесности, болѣе или менѣе важные для учебника, нельзя рекомендовать его за руководство вполне удовлетворительное; но, принимая въ соображеніе: а) возможность исправленія и пополненія труда г. Петрова мѣстными наставниками изъ нижеуказанныхъ пособій; б) полноту сочиненія г. Петрова, обнимающаго предметъ съ древняго времени до новѣйшаго; в) отсутствіе какой либо другой теоріи словесности болѣе годной для употребленія въ семинаріяхъ, можно бы и означенный курсъ исторіи литературы г. Петрова допустить къ употребленію въ семинаріяхъ, какъ временное руководство, въ ожиданіи лучшаго учебника.

II) Въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ подъ заглавіемъ: *Опытъ разбора образцовъ русской Словесности, заключающихся въ программѣ для желающихъ поступить въ Императорскій Московскій Университетъ*. Ив. Соснецкаго (М. 1867 г. стр. 244) и *Пособіе при изученіи образцовъ русской Литературы Андрея Попова*. (М. 1867) нѣтъ полной систематической исторіи Словесности; каждое изъ нихъ ограничивается только

немногими сочиненіями небольшого числа писателей. У г. Попова напечатанъ текстъ трехъ былинь (объ Ильѣ Муромцѣ двѣ и о Садко), пять мѣсть изъ Нестора, Слово о полку Игоревѣ. Подъ чертою текста приложены филологическія объясненія весьма дѣльныя. При каждомъ отдѣлѣ помѣщены историческія замѣтки о характерѣ его произведеній. Эти то замѣтки, долженствующія замѣнить собою исторію Словесности, представляютъ много дѣльныхъ свѣдѣній, хотя и нельзя признать ихъ вполне удовлетворительными. Въ первомъ наприм. отдѣлѣ не объяснено отношеніе былины къ сроднымъ ей формамъ поэзіи; нѣтъ тамъ указаній на отличительныя черты былины въ историческомъ отношеніи. Древній періодъ этимъ и ограниченъ: Кирилль Туровскій, Геннадій, Іосифъ, Ниль Сорскій, Домострой, Кошихинъ, Посопшковъ и др. должны остаться вовсе не извѣстными ученику. Далѣе напечатаны тексты нѣкоторыхъ сочиненій, слѣдующихъ писателей съ біографическими свѣдѣніями объ авторахъ и разборомъ приведенныхъ мѣсть изъ сочиненій Ломоносова, Державина, Карамзина, Брылова, Жуковского, Пушкина и Гоголя. Въ *Бригадирѣ* и въ *Недорослѣ* Фонъ Визина указаны только идеи и главныя черты характеровъ безъ текста. Выборъ сочиненій довольно удаченъ для характеристики писателя и его вѣка; біографическія свѣдѣнія о писателяхъ и характеристики ихъ можно признать удовлетворительными для предположенной авторомъ дѣли. Лучшею частію въ сочиненіи все таки остается разборъ языка въ первомъ отдѣлѣ. При вѣхъ хорошихъ свойствахъ, это сочиненіе не заключаетъ по возможности связнаго обзора исторіи Словесности. Въ древнемъ ея періодѣ вовсе не затронуты упомянутые выше писатели и сочиненія ихъ, въ высшей степени замѣчательныя по отраженію въ нихъ жизни народной. Изъ новаго періода нѣтъ очерка эпической поэзіи и трагической съ драмою до Пушкина, вовсе нѣтъ представителей ученаго направленія и народнаго въ XVIII и XIX в. какъ бы слабо оно ни проявлялось. Крыловъ представленъ безъ связи съ предшествовавшими баснописцами. Все это пробѣлы въ изложеніи г. Попова, но и въ настоящемъ видѣ его сочиненіе можетъ служить пособіемъ для наставника въ ожиданіи лучшаго.

III. Въ трудѣ *Ив. Соснецаго* вошли тѣ же писатели, съ прибавленіемъ Грибоѣдова, и рассмотрѣны почти только тѣ же ихъ сочиненія съ дополненіемъ немногихъ другихъ. Но у него не напечатанъ текстъ разбираемыхъ сочиненій, какъ это сдѣлано г. Поповымъ: объясненія же характера литературныхъ произведеній и ихъ оцѣнка нѣсколько слабѣе. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ это сочиненіе можетъ быть не бесполезно для бібліотекъ семинарій.

Пособіями при изученіи исторіи русской Словесности могутъ служить:

- 1) *Исторія русской Словесности древней и новой* г. Галахова т. 1-й,
- 2) *Исторія русской Словесности Шевырева,*
- 3) *Столмтіе русской Словесности Мизю,*
- и 4) *Историческія хрестоматіи Галахова и Булаева.*

6. По теоріи Русской Словесности.

Въ *Опытъ краткаго изложенія теоріи Словесности К. Петрова* (изд. 2, 1867 г. стр. 149) теоріи Словесности предпосланы психологическія свѣдѣнія на 24 стр. Такъ какъ послѣднія составляютъ содержаніе особой науки и не имѣютъ прямого отношенія къ теоріи словеснаго искусства; то и не подлежатъ здѣсь разбору. При этомъ можно засвидѣтельствовать только объ ихъ благонамѣренности и полезности тамъ, гдѣ изучается психологія. Собственно теорія Словесности начинается съ 31 стр. и распадается на три части. Въ 1-й на 3-хъ страницахъ говорится о слогѣ, во 2-й (34—69) о прозаическихъ сочиненіяхъ и въ 3-й (70—149) о поэтическихъ. Ученіе о слогѣ ограничивается указаніемъ на логическія свойства его со стороны ясности и точности, потомъ на изобразительность и наконецъ на музыкальность. Въ общихъ выраженіяхъ названы условія, при которыхъ то или иное свойство слога достигаетъ наибольшаго совершенства, но не приведено ни одного примѣра, ни одного практическаго указанія на какой либо изъ упомянутыхъ случаевъ. Черезъ 55 страницъ рѣчь заведена о слогѣ поэтическомъ и тамъ на страницѣ 89 названы нѣкоторые виды троповъ и фигуръ съ немногими примѣрами. Изъ этого видно, что вся статья о слогѣ изложена а) только съ внѣшней стороны, б) въ самыхъ общихъ чертахъ, в) почти безъ примѣровъ и безъ образцоваго ихъ разбора и, наконецъ, г) безъ объясненія характера синонимовъ, областныхъ выраженій и словъ старинныхъ, иноязычныхъ, неологизмовъ, плеоназмовъ и проч. Все это, между тѣмъ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть разъяснено практически съ выводами изъ многихъ разнообразныхъ примѣровъ; но въ разсматриваемомъ сочиненіи сдѣланъ только въ общихъ чертахъ намекъ на условія изящнаго слога, во многомъ недостаточный для начинающихъ изученіе теоріи Словесности. Такимъ же недостаткомъ страдаетъ эта теорія въ отдѣлѣ прозы и поэзи.

Въ ученіи о прозаическихъ сочиненіяхъ все вниманіе поглощено внѣшнюю стороною сочиненій, классификацію ихъ, раздѣленіемъ ихъ „по свой-

ству читателей“—на ученых, учебных и популярных (37), „по преобладанію въ нихъ внѣшней стороны или внутренней“—на описательно-историческія и философскія (39). Описательно-историческія сочиненія разсматриваются подъ двумя видами: описательнымъ и историческимъ. Къ первымъ отнесены физическая географія, геологія, минералогія, ботаника, зоологія, анатомія, физика химія; потомъ названы ученые и поэтическія описанія путешествій (42) и образчики ученыхъ сочиненій и популярныхъ (43). Въ этомъ отдѣлѣ не выполнена самая главная задача теоріи Словесности для среднихъ учебныхъ заведеній,—указать и объяснить: какимъ существенно необходимымъ условіемъ должно удовлетворить сочиненіе со стороны своего содержанія и формы въ отношеніи расположенія, изложенія и выраженія. Требования эти со стороны словеснаго искусства необходимо оправдать обстоятельнымъ разборомъ образцовъ, а еще бы лучше выводомъ упомянутыхъ условій изъ разбора образцовъ. Въ статьѣ о сочиненіяхъ историческихъ указаны источники устные и письменные (46). Къ первымъ отнесены: а) народныя историческія пѣсни, б) всѣ произведенія народной поэзіи, в) анекдоты. Къ послѣднимъ причислены: а) лѣтописи, б) записки современниковъ и замѣчено, что в) вся вообще литература изучаемой историкомъ эпохи непременно должна быть взята имъ во вниманіе. Далѣе исчисляются виды историческихъ сочиненій (стр. 50) а) по предмету и б) по характеру изложенія. По предмету Исторія различается, какъ а) всеобщая, б) частная, в) біографія, автобіографія, характеристика, некрологъ. По характеру (54) Исторія бываетъ сперва хронологическимъ сводомъ разныхъ матеріаловъ, потомъ очищенною разными изслѣдованіями, далѣе прагматическою, философскою и наконецъ художественною. При этомъ только названы исторіи разныхъ писателей, относящіяся къ какому либо изъ названныхъ разрядовъ. Главный недостатокъ для учебника и въ этой статьѣ теоріи состоитъ въ томъ, что въ ней преподаются наставленія болѣе о томъ, каковъ долженъ быть историкъ по способностямъ, по взгляду на избранный предметъ, и каковы бываютъ исторіи, что и какъ историкъ долженъ изучить для изображенія „вѣрной картины жизни общества“, а вовсе не указаны и не развиты свойства повѣствованія, какъ основнаго элемента исторіи, составляющаго настоящій предметъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

То же самое повторилось въ статьѣ о *прозѣ философской* (56). И здѣсь сперва указана общая задача философскихъ сочиненій, потомъ упомянуто объ измѣнчивости теорій, изъ коихъ нѣкоторыя исчезли (метафизика), другія, по мнѣнію учебника, колеблются (психологія, наука о воспитаніи и др.) и лучшія находятся будто бы въ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ.

Назвавши далѣ (58) приложение теоріи критикою, авторъ указываетъ на предметы критики, на цѣль ея и пользу, на образцы и, остановившись на критикѣ литературной, называетъ ее по предмету библиографическою, историческою и философскою, указывая отличительную черту каждой, потомъ—по характеру глубокою и поверхностною, безпристрастною и недобросовѣстною. Чтобы критика принесла существенную пользу, отъ автора требуется: а) эстетическій талантъ, б) общее умственное и нравственное развитіе, в) знакомство съ той сферой жизни, къ которой относится разбираемое сочиненіе и г) безпристрастіе. Всѣ эти объясненія конечно, полезны; но не они должны составлять содержаніе статьи объ условіяхъ развитія мысли въ разсужденіи для среднихъ учебныхъ заведеній. У автора изложены только конечные выводы высшей теоріи о философскихъ сочиненіяхъ, болѣе свойственной университетамъ. Такое высшреннее ученіе безъ опоры своей, безъ объясненія въ примѣрахъ свойствъ простаго разсужденія, не научить только что начинающихъ изучать теорію ничему, кромѣ поверхностнаго взгляда, и потому оно должно остаться по крайней мѣрѣ бесплоднымъ.

На 62-й стр. этотъ учебникъ пытается указать форму изложенія философскихъ сочиненій, по его мнѣнію, неимѣющую ничего общаго съ формою сочиненій описательныхъ и историческихъ „Здѣсь умъ, говоритъ учебникъ, является господствующею силою; по его идеямъ факты группируются не въ естественномъ порядкѣ, а по опредѣленнымъ логическимъ законамъ. У древнихъ философовъ ученые трактаты имѣли большею частію форму писемъ или разговоровъ..... Въ новѣйшее время форма изложенія зависитъ отъ обширности излагаемаго предмета. Если развивается какая нибудь одна частная мысль, сочиненіе имѣетъ форму монографіи, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя, имѣя въ виду читателей вообще. Господство мысли (а не разнообразныхъ фактовъ) даетъ основному плану монографіи логическую форму: мысли развиваются въ формѣ или понятія, или сужденія, или умозаключенія“. Изъ этого образчика изложенія положеній теоріи: а) Видны шаткость основаній и неопредѣленность выводовъ, ибо указаніемъ на господство у древнихъ формы *письма* и *разговора* и на зависимость въ новѣйшее время формы отъ обширности предмета вовсе не рѣшенъ вопросъ о формѣ философскихъ сочиненій, т. е., какія же формы наиболѣе для нихъ пригодны и въ какомъ случаѣ какая либо изъ нихъ должна быть предпочтена другой. б) Невѣрно отрицаніе общихъ чертъ въ формахъ изложенія философскихъ сочиненій съ описательными и историческими, ибо у всѣхъ есть и общія черты, и особья, свойственныя наиболѣе одной изъ нихъ. в) Если господство мысли, по словамъ учебника,

даетъ основному плану монографіи логическую форму; то ни этимъ положеніемъ, ни какимъ либо другимъ, въ этомъ мѣстѣ не рѣшается вопросъ: нужна ли логическая форма въ письмѣ и разговорѣ? г) Выраженіемъ что „мысли развиваются (въ монографіи) въ формѣ или понятія, или сужденія, или умозаключенія,“ — какъ будто указывается на особья формы философскихъ сочиненій. Нѣсколько ниже авторъ указалъ на примѣръ развитія мысли въ формѣ умозаключенія, какъ самый удобный для критики, но не привелъ никакого примѣра на развитіе мысли въ формѣ понятія и въ формѣ сужденія; а это крайне необходимо, ибо объясненіе того и другаго случая у него сбивчиво, неясно, вѣроятно, отъ того, что нѣтъ основанія такому дѣленію формы въ теоріи Словесности и едва ли можно указать на философское сочиненіе, гдѣ бы мысль развивалась въ формѣ понятія, безъ сужденій и умозаключеній, или, наконецъ, въ формѣ умозаключенія, безъ понятій и сужденій, — какъ слѣдуетъ понимать это мѣсто.

Теорія прозы у автора закончена приложеніемъ, которое состоитъ въ ученіи о сочиненіяхъ ораторскихъ. Здѣсь высказано много дѣльных замѣчаній объ ораторскомъ искусствѣ, но отвлечено — безъ примѣровъ.

Ученіе о поэтическихъ сочиненіяхъ (стр. 70—149) начинается предварительными эстетическими свѣдѣніями. Здѣсь объясняются эстетическое чувство, эстетическій вкусъ, потомъ талантъ или геній. Представляется различіе между талантомъ и геніемъ (76—77), указана сущность изящнаго и идеала (78—79). Изящное рассмотрѣно, какъ собственно изящное или прекрасное, высокое и прелестное (81) и на 83 стр. прибавлено комическое. Съ 85 стр. объясняется различіе между прозой и поэзіей; на стр. 90-й „Поэзія раздѣляется на разряды, смотря 1) по способу образованія и 2) по содержанію.“ Въ первомъ отношеніи поэзія признана безыскусственною или природною и искусственною или художественною. Далѣе, содержаніе поэтическихъ произведеній объяснено въ зависимости отъ многихъ условій (92—94) и выведены роды поэзіи. Во всѣхъ этихъ статьяхъ много дѣльных мыслей, которыя могли бы быть полезны учащимся, если бы изложеніе ихъ было болѣе приспособлено къ развитію изучающихъ этотъ предметъ, и если бы кое-что было вовсе исключено, напримѣръ, толки о различіи таланта отъ генія, о прекрасномъ, высокомъ и прелестномъ. Съ 97 до 101 стр. разсматривается поэзія безыскусственная вообще, а съ 101-й эпическая народная поэзія, которой виды только названы (103). Статья оканчивается указаніемъ сочиненій объ эпической поэзіи всѣхъ народовъ и сборниковъ ея произведеній. Съ 106 до 110-й указано только содержаніе народной лирики и вліяніе ея на

современныхъ намъ писателей. Въ художественной поэзіи (110—149) упоминается эпосъ (112) греческій, римскій, средневѣковый и позднѣйшій, идиллія, религіозный эпосъ, романъ, новелла (повѣсть), лирическая поэма (119), баллада (120) и указывается различіе между поэмой и романомъ. Статья окончена указателемъ произведеній эпическихъ во всѣхъ видахъ и разсужденій объ нихъ (122). Указатель можетъ быть очень пригоденъ. Въ такомъ же родѣ изложено ученіе о лирикѣ (124) и о драмѣ (138); а въ заключеніи помѣщено приложение о дидактической поэзіи (146). Изъ этого краткаго перечня содержанія теоріи поэзіи видно, что въ объемѣ своемъ она полна и удовлетворительна, но эта полнота преимущественно внѣшняя, т. е. приведены названія, подъ которыми извѣстны роды и виды поэзіи, иногда съ объясненіемъ происхожденія ихъ, указаны самыя главныя ихъ свойства и — только. Нѣтъ тутъ объясненія частныхъ условій изящества, видовъ поэзіи, нѣтъ образцоваго разбора, ни цѣльныхъ произведеній, ни частей ихъ. Такое изложеніе, конечно, можетъ оставлять въ головѣ учащагося коллекцію терминовъ съ приуроченными къ нимъ именами писателей или названій литературныхъ произведеній, но не пробудитъ въ душѣ его чувства изящнаго и, не указавъ на болѣе или менѣе полное удовлетвореніе тѣмъ или инымъ поэтическимъ произведеніемъ условіямъ изящнаго, не приучитъ его къ сознательной и отчетливой оцѣнкѣ художественныхъ произведеній.

Свѣдѣніе всѣхъ вышесказанныхъ замѣтокъ и принятіе въ соображеніе подробностей изложенія, особенно ученія о прозѣ, приводитъ къ заключенію, что разсматриваемая теорія: 1-е предлагаетъ много излишняго, составляющаго предметъ другой науки, а не существенную потребность для искусства словеснаго; 2-е говоритъ о томъ, что нужно писателю въ описательно-историческомъ родѣ или философскомъ и подъ какими названіями слывутъ ихъ сочиненія, и очень мало предлагаетъ для начинающихъ изученіе ея обыкновенно съ простыхъ описаній, повѣствованій и разсужденій, о которыхъ она почти и не упоминала, увлекшись задачею характеризовать цѣлыя сочиненія; 3-е отсутствіе разбора примѣровъ дѣлаетъ ее неясною и для развитаго читателя; наконецъ 4-е отвлеченное изложеніе, иногда не строго послѣдовательное и не всегда придерживающееся одного начала для вывода частей, вмѣстѣ съ вышеизложенными чертами этого учебника, мало представляетъ удовлетворительнаго для руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, за неимѣніемъ лучшаго учебника, и эту книгу можно рекомендовать для употребленія въ семинаріяхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы наставники дополняли общія ея положенія разборомъ статей изъ христоматіи г. Галахова, руководствуясь

номѣщенными въ ней примѣчаніями и слѣдующею книгою г. А. Смирнова. Въ дополненіе къ учебнику г. Петрова можно указать еще на изда- нные въ 1858 году А. Смирновымъ „*Матеріалы для учебной теоріи Словесности*“ въ 3-хъ частяхъ, какъ на пособіе для наставниковъ. Книга эта представляетъ дѣйствительно огромный матеріалъ (418 ст.) какъ для ученія о слогахъ, такъ и для теоріи прозы и поэзіи со спискомъ болѣе 300 темъ для практическихъ упражненій. При объясненіяхъ приведено множество примѣровъ на разные вопросы теоріи. Учебникомъ эта книга не можетъ быть, потому что слишкомъ обширна, тяжеловато изложена и страдаетъ иногда излишними тонкостями въ раздробленіи предмета, не пригодными для учебника; но наставникъ можетъ изъ нея выбрать много годнаго для развитія учениковъ и для объясненія имъ свойствъ слога, прозы и поэзіи, преимущественно практическимъ путемъ.

(Окончаніе будетъ).

III. Предсѣдатель Екатеринбургскаго духовно-училищнаго съѣзда, протоіерей Василій Зубковъ, отъ 5 декабря 1868 года за № 2, донесъ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Антонію епископу Пермскому, что „на бывшемъ въ декабрь прошлаго 1867 года въ г. Екатеринбургѣ духовно-училищномъ съѣздѣ депутатами съѣзда между прочимъ было постановлено двумъ членамъ Екатеринбургскаго училищнаго правленія отъ духовенства, Екатеринбургскаго Ново-тихвинскаго женскаго монастыря протоіереемъ Николаю Смирнову и Екатеринбургскаго кафедральнаго собора священнику Филарету Зубареву производить жалованье по 60 р. въ годъ, всего 120 руб. Нынѣ члены сіи, протоіерей Николай Смирновъ и священникъ Филаретъ Зубаревъ, въ докладѣ съѣзду отъ 3-го сего декабря, изъявили добровольное желаніе жалованье свое за истекающій 1868 годъ, въ количествѣ 120 р., котораго они въ теченіе года не получали, пожертвовать въ постоянный оборотный капиталъ на покупку необходимыхъ книгъ для продажи ученикамъ. Почему депутатами съѣзда 4 числа сего декабря постановлено: передать означенную сумму въ училищное правленіе для извѣстнаго употребленія, а О. о. членамъ выразить признательность съѣзда.“ На семь донесеній Его Преосвященствомъ положена такая резолюція: „Декабря 10-го 1868 г. Напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о подлежащемъ.“

IV. *Исключены из духовнаго званія въ 1868 году.*

1) Дьячекъ Кашинскаго села камышловскаго уѣзда *Семенъ Кадцовъ* за неодобрительное поведеніе опредѣленіемъ консисторіи $\frac{11 \text{ іюня}}{1 \text{ августа}}$; 2) пономарь Кишкинскаго села верхотурскаго уѣзда *Михаилъ Посохинъ* $\frac{2}{13}$ ноября; 3) дьячекъ Костоусовскаго села камышловскаго уѣзда *Михаилъ Меркурьевъ* $\frac{1}{9}$ ноября; 4) пономарь градо-ирбитской Срѣтенской церкви *Иванъ Бердниковъ* $\frac{1}{9}$ ноября; 5) дьячекъ Рождественскаго села соликамскаго уѣзда *Алѣксѣй Коноховъ* $\frac{5}{29}$ ноября; 6) Гарашинскаго села камышловскаго уѣзда дьячекъ *Василій Бълюсовъ* $\frac{24 \text{ октября}}{22 \text{ ноября}}$.

V. *Служенія Его Преосвященства.*

6-го сего декабря—въ день святителя и чудотворца Николая и празднество тезоименитства Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрныхъ Государей Великихъ Князей Николая Александровича, Николая Константиновича и Николая Михайловича Божественную литургію Его Преосвященство совершалъ въ Рождество-Богородицкой церкви (одинъ изъ придѣловъ сей церкви посвященъ памяти святителя Николая) въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея Андрея Пурикordova, ректора семинаріи протоіерея Іоанна Лаговскаго и мѣстныхъ протоіерея Андрея Будрина и священника Іоанна Пономарева, а молебствіе Господу Богу о здравіи и спасеніи Императорскаго Дома въ сослуженіи градскаго духовенства. Проповѣдь говорилъ наставникъ семинаріи Василій Васнецовъ.

8-го сего декабря, въ воскресенье, Божественную литургію Его Преосвященство совершалъ въ крестовой церкви въ сослуженіи крестовой братіи. Проповѣдь говорилъ Александровской церкви священникъ Александръ Оглоблѣнцъ.

VI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) *Отъ правленія Симбирской духовной семинаріи.*

Правленіе Симбирской семинаріи симъ извѣщаетъ, объ открывшейся при Симбирской семинаріи наставнической вакансіи по классу словесности и латин-

скаго языка, съ таковымъ присовокупленіемъ, что а) семинарское правленіе не имѣетъ въ виду кандидата для замѣщенія сей вакансии и б) что оно желаетъ замѣтить ее кандидатомъ, выдержавшимъ испытаніе предъ конференціею московской или другой духовной академіи.

б) *Отъ правленія Могилевской духовной семинаріи.*

При Могилевской семинаріи состоитъ праздною кафедра логики и словесности; на замѣщеніе означенной кафедры правленіе не имѣетъ въ виду никого кандидатомъ, и предполагаетъ принять кого либо изъ воспитанниковъ академій, выдержавшихъ пробныя уроки по установленному порядку, при одной изъ конференцій духовныхъ академій, или въ педагогическомъ собраніи правленія Могилевской семинаріи.

[Духовн. Бесѣд. № 47.]

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Безпоповцы поморскаго толка въ оханскомъ уѣздѣ Пермской губерніи (продолженіе). Объявленіе.

Безпоповцы поморскаго толка въ Оханскомъ уѣздѣ Пермской губерніи (*).

(Продолженіе.)

М. „Звѣріе бо и гади плотоядцы изыдутъ и обрѣтаются во дни и въ нощи.“ Кто эти звѣри и гады?

П. Многообразныя погибельныя ереси, внесенныя Никономъ въ свою новоумышленную вѣру. Ереси эти, яко звѣри и гады, погубляютъ души людей.

М. Да вѣдь о звѣряхъ и гадахъ сказано, что они плотоядцы, т. е. будутъ ѣсть плотъ людей.

П. Оно такъ и есть: ереси снѣдаютъ и губятъ тѣло церковное, умерщвляютъ членовъ церкви подобно какъ звѣри, когда терзаютъ человѣка, отрываютъ и грызутъ его члены.

М. „Внутрь страхъ и внѣ трепеть, на путѣхъ трупія и во храмѣхъ мертвіи, на цѣстахъ смрадъ и въ домѣхъ смрадъ, на цѣстахъ алчба и жажда, и въ домѣхъ алкота и жажда, на цѣстахъ гласъ плача и въ домѣхъ гласъ плача, на путѣхъ молва и въ домѣхъ молва, на путѣхъ горе и въ домѣхъ горе.“ Конечно и это все ты объяснишь какъ нибудь нечувственно?

П. А какъ же ино? Это все прилоги. Внутрь страхъ и внѣ трепеть,—это отъ гоненій и мученій и отъ угрызенія звѣрей и гадовъ плотоядцевъ, сирѣчь погибельныхъ ересей. На путѣхъ трупія и во храмѣхъ мертвіи,—это выходитъ, вездѣ на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ церквахъ духовныя мертвенцы. На цѣстахъ сирѣчь на путяхъ и въ домахъ смрадъ духовный, еретическое

(*) См. № 50 П. Е. В.

зловоніе. На путѣхъ и въ домѣхъ алчба и жажда духовная, о которой и прежде говорено было. На путѣхъ и въ домѣхъ гласъ плача, молва и горе какъ о развращеніи рода человѣческаго и зараженіи его Никоновою ересію, такъ и о гоненіи и мученіи правовѣрныхъ христіанъ.

М. „Увянетъ бо доброта лица всякія плоти, будутъ бо яко мертвы зрацы челоукомъ.“ Кажется доброта лица не увала, а между вашими поморцами есть люди добрые зракомъ, румяные и полные.

П. Это значитъ: увянетъ красота и доброта души и зракъ челоука, сирѣчь его умъ и совѣсть будутъ мертвы, недѣйствующи. Оно такъ и есть: поблекла нынѣ въ душахъ вашихъ красота вѣры и благихъ дѣлъ, умомъ своимъ вы не видите своего заблужденія и не понимаете прелести Никоновой, совѣсть молчитъ и не вопіетъ о развращеніи ересію.

М. „Мерзка же и возненавидѣнна красота женская, и увянетъ всякія плоти похотнїе, брашну не сушу.“ Это что? Кажется это не сбывлось. Примѣромъ тому и вы поморцы можете служить: ... и у васъ люди, которые женятся и посягаютъ.

П. Женятся вѣдь только міряне, а христіане удаляются этого грѣха. Да вѣдь тутъ надо понимать нечувственно. Брашну не сушу, сирѣчь съ извращеніемъ божественныхъ книгъ и съ оскуднѣемъ слова Божія увянетъ въ душахъ вождельнїе красоты душевной, не будетъ желанія въ людяхъ прилѣпиться къ истинной вѣрѣ и украсить душу свою благими дѣлами. Красота женская—это красота вѣры и благихъ дѣлъ.

М. Конечно ты и слѣдующія слова объяснишь нечувственно: *Вси же въроваши зѣрю*, т. е. напр. Никону, и *прїемїе печать того сквернаго*, т. е. троеперстное перстосложеніе и *мерзкій образъ*, (т. е. крестъ четвероконечный что ли?) *приступятъ къ нему вкупѣ и глаголютъ съ бользнію: даждь намъ ясти и пити*, т. е. дай намъ истинное слово Божіе и тайнства, *яко вси погибамъ отъ глада одержими*, т. е. отъ глада душевнаго, отъ глада неслышанія слова Божія, и *отжени отъ насъ ядовитыя зѣри*, т. е. многоразличныя ереси. Такъ что-ли?

П. Такъ.

М. Когда же такъ называемые тобою послѣдователи патр. Никона просили или просятъ его, чтобы онъ напиталъ ихъ словомъ Божиимъ и избавилъ отъ ересей?

П. Вѣдь и между вашими были при Никонѣ и теперь навѣрно есть алчущіе и жаждущіе хотя и вотще. Вотъ эти-то люди и желали бы насытиться истиннаго слова Божія и освободиться отъ ереси, да не могутъ. Ни-

конь всѣ книги порушилъ, слово Божіе въ нихъ растлилъ и опуталъ ихъ своею ересію, какъ сѣтію; не стало истовыхъ старыхъ книгъ, въ которыхъ было чистое слово Божіе. Такъ и желали бы насытиться отъ почитанія книжнаго, да негдѣ книгъ-то ужъ теперь взять. Вотъ это и значить: *откуда азъ дамъ вамъ ясти и пити, о челоуцы, сирѣчь: гдѣ мнѣ взять брашна и книжнаго? стары книги мною нарушены, нѣтъ теперь и праваго ученія и истиннаго слова Божія. Умирайте отъ гладу! мнѣ то и надо.*

М. А это что: „небо не дастъ дожда земли и земля уже паки не дастъ жита!“

П. Не будетъ правой вѣры на землѣ, не будетъ и благихъ дѣлъ. Дождь правая вѣра, жито—благія дѣла. А то рѣчь эта толкуется еще инако не будетъ съ небеси благодати, а на землѣ не будетъ таинствъ. Дождь—благодать, которая, яко дождь, исходитъ съ небеси чрезъ Св. Духа, а жито—св. тайны, которыми челоукъ духовно питается и живетъ. Какъ безъ дожда не родится жито, такъ безъ благодати не можетъ быть таинствъ.

М. На какомъ основаніи ты эту рѣчь такъ толкуешь и почему на двое?

П. Такъ на двое толкуется. А что дождь правое ученіе и благодать, это видно изъ слова Златоустаго о лжеучителяхъ. Онъ со словъ св. апостола Гуды называетъ ложныхъ учителей и лживыхъ пастырей облаками безводными. Какъ изъ облака безводнаго нѣтъ дожда, такъ отъ нынѣшнихъ лживыхъ учителей нѣтъ праваго ученія, отъ нынѣшнихъ ложныхъ пастырей не жди и Божіей благодати въ ихъ мнимыхъ таинствахъ.

М. „Въ ты дни отъ скорби оная великія растауются защитницы змиеви отъ страха и труса и шума моря великаго и гладомъ и жаждою и уяденіемъ звѣрей, яко вси приемише печать антихристову и поклоншеся ему, яко богови святому, не имуть убо части во Христово пришествіе, но со змиемъ вложени будутъ въ геенну.“ Это что значить? Кто защитницы змиевъ? что значить растауются?

П. Защитницы змиевы—это слуги и послѣдователи Никона, еретики: никониане; а растауются—значить ослабѣютъ душами, впадутъ въ уныніе, въ отчаяніе отъ труса, сирѣчь отъ смятенія ума и совѣсти, отъ шума моря великаго, сирѣчь отъ житейскихъ суецъ и заботъ, гладомъ и жаждою, сирѣчь отъ скудѣнія правой вѣры, благихъ дѣлъ, праваго ученія и св. таинствъ и уяденіемъ звѣрей, сирѣчь отъ душепагубной своей ереси.

М. Выше было сказано у св. Ефрема, что послѣдователи антихриста будутъ славить его, яко бога крѣпка. Здѣсь говорится, что защитницы змиевы будутъ поклоняться ему, яко богови святому. Да и апостоль Павелъ

во 2-мъ посланіи къ Солуняномъ во гл. 2 въ ст. 4 говоритъ, что противникъ будетъ *превозноситься паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, яко же ему състи въ церкви Божіей, аки богу, показующе себе, яко богъ есть*. Развѣ поклонялись или поклоняются патриарху Никону, какъ Богу? Развѣ садился и теперь сидитъ онъ въ церкви Божіей и показуеть себя, какъ Бога?

П. Никонъ сѣлъ, и теперь сидитъ въ вашей церкви не своимъ лицомъ, не тѣломъ своимъ окаяннымъ, а своимъ знаменіемъ, сирѣчь четвероконечнымъ крестомъ, и вы кланяетесь не самому Никону лично, а его знаменію,—латынскому крыжю. У васъ вѣдь и на престолѣ и за престоломъ, и на иконахъ и на церквахъ вездѣ четвероконечный крестъ. Вы этому знаменію поклоняетесь, а между тѣмъ оно не Христово знаменіе, а антихристово, Никоново. Выходить, вы поклоняясь этому знаменію, кланяетесь тому, чье оно и кого оно изображаетъ, т. е. кланяетесь самому Никону, какъ богу; подобно тому, какъ мы поклоняясь иконѣ, поклоняемся тому, кто на ней изображенъ; поклоненіе образу относится къ первообразному. Такъ вы не думайте, что онъ самъ сѣлъ въ церкви и велѣлъ кланяться себѣ, а—посадилъ онъ вмѣсто себя свое знаменіе (*).

М. Такъ, по-твоему, антихристъ сѣлъ въ православной христіанской церкви. Толкованіе твое неправильно, противно толкованію св. отцевъ, не твоихъ поморскихъ отцевъ, а отцевъ церкви, вселенскихъ учителей: Кирилла Іерусалимскаго и Іоанна Дамаскина. Эти святые отцы, толкуя слова св. апостола Павла: *яко же състи ему въ церкви Божіей, аки Богу*, не такъ объясняли ихъ, какъ ты объясняешь. Св. Кириллъ Іерусалимскій вотъ что говорилъ: „яко же състи ему въ церкви Божіей, въ которой убо церкви? *въ разоренной, глаголють, жидовской, а не въ сей, въ ней же мы нынѣ есмь.*“ А Іоаннъ Дамаскинъ: „яко же ему състи въ церкви Божіей, показующе себѣ, яко богъ есть: въ церкви Божіей глаголай, *не въ нашей, но въ ветспій Іудействій* глаголетъ: *не къ намъ бо, но къ Іудеямъ приидетъ*, ниже за Христа, но на Христа. Бяже ради вины и антихристъ глаголется.“ Слышишь ли что?...

П. Да гдѣ же такъ говорятъ св. Кириллъ и св. Дамаскинъ? Я не читывалъ этого, не слыхалъ.

(*) Въ поморскихъ цѣбтникахъ сѣденіе антихриста въ церкви Божіей объясняется точно такъ же. Въ одномъ изъ нихъ вотъ что говорится: „св. Андрей толкуеть по Богослову: *скимень левъ сей есть антихристъ; сѣде на престолѣ святомъ*. Вопр. Что сугъ:—сѣде на престолѣ святѣ? Отв. Внесъ антихристъ на престолъ святѣ вмѣсто живоноснаго и трисоставнаго вреста Христова—крыжъ латынскій.“

М. Св. Кириллъ такъ говоритъ въ огласительное слово 15, § 15 (*) а св. Дамаскинъ въ Богословіи кн. 4 гл. 26 (**). Дальше въ слово св. Ефрема говорится вотъ что: *прежде даже сія не будутъ, внигда послетъ Господь Илью Освѣтянина и Еноха*“ и ниже: *тѣмъже вопіютъ рекуще: „мстецъ есть, о челоуцы! никто же васъ вѣруй нечестивому, никто же отъ васъ послушай мучителя богопротивника, никто же отъ васъ убойся; вскорь бо престанетъ.—Обаче мнози суть тогда прійдутъ послушати и вѣровати глаголомъ обоу пророку. Являлись ли на землѣ Илья и Енохъ?*

П. Явились и проповѣдывали людемъ, чтобы они не вѣровали Никону, не слушались сего богопротивника и не боялись его, а пострадали бы за вѣру Христову. И дѣйствительно многіе послушались ихъ, не предалися Никону, утвердились въ древнемъ благочестіи и вкусили смерть отъ мучителя.

М. Вотъ новость! не слышно, чтобы сходили съ небеси Илья и Енохъ, которые взяты живыми на небо.

П. Да вѣдь тутъ понимать надо нечувственно, не такъ, что будто явились сами пророки Илья и Енохъ, а тутъ другаго Илью, другаго Еноха разумѣть надо.

П. Было же предсказано ветхозавѣтнымъ пророкомъ, что предъ первымъ пришествіемъ Спасителя въ міръ Богъ пошлетъ Илью: *се азъ пошлю вамъ Илью Освѣтянина*. Однако не самъ пророкъ Илья посланъ, а Иоаннъ предтеча, Иоаннъ-то предтеча и есть пророкъ Илья. Его и Самъ Спаситель назвалъ Ильей: *и той есть Илья, хотяи прійти*. Такъ же и предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ явились не сами пророки Илья и Енохъ, а другіе предтечи пришествія Христова, подобные имъ святою жизнію, ревностію по правовѣрію и благочестію.

М. У другихъ св. отцевъ пишется, что Илью и Еноха убьетъ антихристъ. Твои Илья и Енохъ убиты ли и кѣмъ?

П. Убиты богопротивнымъ мучителемъ и душегубцемъ Никономъ.

М. Кто же эти твои Илья и Енохъ?

П. Видимое дѣло, кто. Сами, сударь, знаете, кто Никона называлъ лъстецомъ, не велѣлъ ему вѣровать и слушаться его богомерзкаго ученія. За то онъ ихъ и замучилъ, убилъ.

(*) Изд. 1784 г. Московск., лист. 174 на обор.

(**) Изд. 1834 г. Московск., лист. 140.

М. Кто же именно? скажи!

П. Что сказывать! Вѣдь ужъ въ ротъ положено; слѣпыми глазами можно видѣть.

М. Павелъ Коломенскій, что ли? протопопъ Аввакумъ? либо попъ Никита? Это твои—Ильи и Енохи?

П. Сами, сударь, изволите знать (*).

М. „Мнози убо святіи, елико тогда обратятся вкупу, абіе, слышавше пришествіе сквернаго и проліють рѣки слезъ со въздыханіемъ къ Богу святому, избавитися отъ змія, и побѣднютъ со тѣцаніемъ великимъ въ пустыни и скривются въ горахъ и вертепныхъ со страхомъ и посылаются землею и пепломъ со слезами молящися день и ночь со многимъ смиреніемъ и дастся имъ помощь отъ Бога и наставитъ ихъ въ мѣста нарочита и спасутся крѣпящися во пропастьхъ и вертепныхъ, ненавидяще антихристова знаменія и страха.“ Это что? какъ это понимать, чувственно или нечувственно?

П. Можно и чувственно.

М. Такъ кто же удалялся въ горы, въ пустыни и въ вертепы и посыпался землею и пепломъ?

П. Да мало ли таковыхъ было при Никонѣ и послѣ него! Мало ли основано монастырей и скитовъ въ горахъ, лѣсахъ и пустыняхъ! Эти скиты и теперь еще Богъ иныя хранить, а иныя ужъ разорены никонианами.

М. А вы то что же не удаляетесь въ горы и пустыни и не засыпаетесь землею и пепломъ?

(*). Сколько мы ни выпрашивали, не могли допытаться, кого поморцы разумѣютъ подъ именованіи Ильи и Еноха. По всей вѣроятности Павелъ Коломенскій, протопопъ Аввакумъ, Даниилъ и Логинъ, поповъ Никита пустосятъ и Лазарь, діаконовъ Оедоръ и другіе распространители раскола,—это все ихъ Ильи и Енохи,—и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что всѣ эти лица наказаны или казнены градскимъ судомъ, а по мнѣнію поморцевъ убиты, замучены антихристомъ. Но какъ ихъ не двое, а много, то поморцы и не могутъ положительно сказать, кто изъ нихъ Илья и кто Енохъ, и потому уклоняются отъ положительнаго отвѣта. А то назови одного, хоть напр. Павла Коломенскаго Ильей, а другаго напр. протопопа Аввакума—Енохомъ, прочимъ уже не достанетъ именъ. Такъ они подъ именованіи Ильи и Еноха разумѣютъ вѣроятно вообще всѣхъ своихъ расколочителей, подвергшихся суду и казни за противленіе власти церковной и гражданской. Въ своихъ сочиненіяхъ они возвеличиваютъ своихъ учителей разными похвальными именами и называютъ ихъ мудрыми наставниками, дивными ревнителями староотеческія вѣры, великими страдальцами, невинно вкусившими отъ никонианъ лютыя мученія и смерть (Виногр. Россійск. Денис.), исповѣдниками, поборниками по вѣрѣ православной, великими воинами Христовыми. Это придаетъ еще большее вѣроятіе нашему предположенію.

П. У насъ и дома пустыня. Христіане у насъ живутъ хоть и въ деревняхъ, но въ особыхъ кельяхъ на дворѣ, и съ мірянами не сообщаются, а молятся одни день и ночь. Вотъ въ такой кельѣ у христіанина и вертепъ и пустыня, а келья—гора. И мы благодатью Божіею надѣемся, что Господь наставитъ насъ въ мѣста нарочита, идѣже праведніи упокоиваются.

М. А нечувственно какъ понимать?

П. А вотъ какъ! пустыня удаленіе отъ міра, уединеніе души, самоуглубленіе; горы—книги святаы; вертепъ—отложеніе ветхаго челоуѣка и погребеніе грѣховной жизни; посыпаться землею и пепломъ, значить проводить время въ скорби, плачѣ, покаяніи и исповѣданіи грѣховъ своихъ Богу, по словеси Давыда: *пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ, питіе мое съ плачемъ растворяхъ.* Вотъ и выходитъ изъ этой грѣчи св. Ефрема, что не предавшіеся прелести Никоновой удалятся отъ міра, не стануть съ нимъ сообщаться ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ молитвѣ, возлюбить уединеніе, углубятся въ себя, въ свое сердце и въ свою совѣсть, отложить ветхое житіе, погребуть грѣхъ, стануть читать святаы книги и проводить время въ скорби и въздыханіи о своихъ грѣхахъ и въ покаяніи. Мы такъ и стараемся жить, (за что только Богъ почтетъ) и уповаемъ, что Господь подастъ намъ свою помощь и спасетъ насъ за то, что мы возненавидѣли знаменіе Никоново, сирѣчь троеперстную печать его и четвероконечный крестъ.

М. „Всѣмъ бо имущимъ благовиднѣе Божіе и разумъ, тогда разумно будетъ пришествіе мучителя, а имущимъ присно умъ въ вещехъ житія сего и любящимъ земля не разумно се будетъ; привязани бо суть въ вещехъ житейскихъ, аще и услышатъ слово, но не имуть вѣры, но чаше мерзятъ имъ млаоляи се.“ Это что?

П. Да какъ ровно про васъ, да про насъ сказано! Вы слово св. Ефрема толкуете не такъ; горы и гладъ, и три цари великія и пророковъ Илію и Еноха—все это вы понимаете чувственно; вы прилѣпляете умъ къ вещѣмъ житія сего. Вотъ пришествіе мучителя вамъ и не разумно; вы и не догадываетесь, а думаете, что антихристъ еще не явился. А насъ не проведетъ вашъ Никонъ; намъ разумно пришествіе мучителя; мы смеемъ и догадываемся.

М. То есть у васъ только благовиднѣе Божіе и разумъ! О Евреяхъ сказано въ писаніи: *мнящися мудри быти, обзюродыша.* Тоже самое не случилось ли и съ вами?— „Тогда восплачется вся земля, и аеръ, восплачутся купъ и животная дивія со птицами, восплачутся горы и холми и древа польская, восплачутся и оба свѣтила небесная со звѣздами за родъ челоуѣчскій, яко вси уклонишася купъ отъ Бога святаго, еднѣ-

теля всяческимъ, и лестицу въру яша, прїимше образъ сквернаго богопротивника за крестъ Спасовъ.“ Это какъ понимать, чувственно или нечувственно?

П. Какъ тутъ понимать чувственно? Море и аеръ, гори, холми и древа польская вѣдь плакать не могутъ.

М. Какъ же ты растолкуешь это иносказательно?

П. Восплачется вся земля, море и аеръ—это значить, что о премѣненїи вѣры, о уклоненїи отъ Бога къ антихристу скорбятъ и плачутъ все люди какъ живущіе въ семь мїрѣ на землѣ, такъ и подобившіеся преселиться въ мїръ горній (аеръ); восплачется и животная дивїя со птицами значить, что объ отступничествѣ Никоновомъ скорбятъ люди даже не вѣрующіе въ истиннаго Бога, язычники и агаряне. Горы значатъ пророковъ и апостоловъ; холмы—святителей; древа польская—всехъ вѣрныхъ, составляющихъ церковь Божию,—и выходитъ, что объ отступленїи рода человѣческаго отъ Бога къ Никону скорбятъ пророки и апостолы, скорбятъ святители, скорбятъ и все церкви Божїи. Свѣтила великія, солнце—значить Христа, луна Божию Матерь, звѣзды—это святые Ангелы на небеси, и по этому восплачутъ оба свѣтила великія со звѣздами будетъ значить, что объ отступленїи отъ вѣры къ антихристовой прелести скорбятъ Самъ Господь Ісусъ Христосъ, скорбитъ Божїя Матерь и плачутъ святые ангелы и все скорбятъ и плачутъ о томъ, что люди приняли северную печать Никонову за крестъ Спасовъ?

М. На какомъ основанїи ты такъ толкуешь?

П. Такъ толкуютъ святые отцы поморскіе и другіе мудрые учителя. А что горы суть пророки и апостолы, объ этомъ говоритъ Златоустъ въ словѣ о лжеучителяхъ: текуще на святыя горы—пророки, глаголю, и апостолы. А что холмы знаменуютъ святителей, о томъ говорится въ Кормчей въ толкованїи на 58 правило св. апостоль: епископъ холмъ высокъ нарицается, на немъ же стража бываетъ, и аще кто на немъ верху стоя стрежетъ и смотритъ сѣмо и овамо, епископъ сей нарицается. Христосъ въ церковныхъ пѣсняхъ называется солнцемъ правды.

М. А толкованїе луны, звѣздъ, древъ польскихъ, животныхъ и птицъ на чемъ основываешь?

П. Такъ толкуется святыми отцами. Вѣдь не сами же мы такъ толковать выдумали, а слышали отъ учителей мудрѣйшихъ. А намъ самимъ со своимъ худымъ разумомъ какъ можно толковать!

М. И ваши поморскіе отцы должны же имѣть какое нибудь основанїе для своего толкованїя?

П. Не безъ основанія же; вѣдь какое-то имѣли же, не даромъ такъ истолковали.

М. Да видно безъ основанія; потому что если бы было основаніе, то они привели бы его въ сочиненіяхъ и вы бы это знали. Далѣе: „Тогда восплачется земля и море, яко внезапно преста гласъ тѣнія и молитвы отъ устъ человеческихъ; восплачутся тогда церкви Христовы вся плачемъ великимъ, зане не будетъ службы святыхъ въ алтаряхъ, ни приношенія.“ Это что?

П. Это о нынѣшнемъ времени сказано. Съ того времени какъ Никонъ порушилъ книги, растлилъ истинную вѣру, а ввелъ новыя книги и новую ересь, не стало въ вашихъ церквахъ истинной службы, пѣнія и молитвы, не стало приношенія, сирѣчь св. Евхаристіи и въ олтарѣхъ стала мерзость запустѣнія.

М. Да вѣдь у насъ въ церквахъ совершается служба, возносятся молитвы, раздается пѣніе, совершается безкровная жертва. Какъ же ты говоришь: не стало службы?

П. Какая у васъ служба? неистовая, еретическая! Это не служба, а бошунство. Какія молитвы и пѣнія? молитвы богопротивныя, пѣніе мерзкое, пестрое на разные голоса! это не пѣніе, а вражія пѣсни, какъ называетъ ваше пѣніе св. Ииполитъ въ словѣ на недѣлю мясопустную; по вашему пѣнію плясать, такъ ладно. А Евхаристія у васъ не истинная; златоконанные сосуды источились, змій изbleвалъ свой ядъ на всю вселенную. Если у васъ и закалается агнецъ, то не Христовъ, а антихристовъ. Никонъ все устроилъ, по подобію истинной церкви Христовой, только неистово, а въ привидѣнія. Это у васъ поваленныя ризы, яже никому же пользуютъ; это у васъ только листвіе на бесплодной смоковницѣ.

М. А если не стало службы, такъ значить и у васъ ужъ нѣтъ молитвы и пѣнія?

П. У насъ только теперь и служба истинная, богоугодная молитва и истовое пѣніе. Хоть у насъ и нѣтъ церквей, но мы поемъ и молимся дома. Хоть не церковная эта служба, а домашняя, но все-таки служба. Только вотъ нѣтъ у насъ Евхаристіи. Поелику не стало священства, и церкви стали, яко прости храми; то не можетъ быть теперь и Евхаристіи и другихъ таинъ, кромѣ крещенія, которое одно Богъ оставилъ для спасенія нашего.

М. Въ писаніи сказано: *Емжды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пиете, смерть Господню възвѣщаете, дондеже придетъ.* Значить Евхаристія будетъ совершаться до самаго пришествія Христова.

II. Нѣтъ! всѣ таинства, кромѣ крещенія, упразднилися. Св. Ефремъ говоритъ вѣдь, что не будетъ въ олтарѣхъ службы святыя и приношенія. Коли не будетъ службы и приношенія, такъ какаѣ ужъ Евхаристія? И св. Ипполитъ въ словѣ на недѣлю мясопустную приводитъ слова пророка: *оставлена будетъ дщи Сіоня якоже снѣгъ въ виноградѣ и яко овощное хранилище въ вертоградѣ и яко градъ обстоитъ*, и прибавляетъ, что это Исаія говоритъ о св. церкви: *не бо о іудеяхъ*, говоритъ, *сіе слово пророчествова, ниже о Сіонѣ градѣ, но о святой церкви*. А въ овощномъ хранилищѣ какаѣ Евхаристія! Такъ же св. Ипполитъ въ томъ же словѣ говоритъ: *церкви Божіи яко прости храми будутъ и развращенія церковная всюду будутъ, а вражія пѣсни всюду будутъ пѣты, пастыри яко волцы будутъ, а священники лже возлюбятъ*. Коли церкви будутъ яко простые храмы и пастыри волцы; то какаѣ ужъ Евхаристія! какія ужъ таинства? нѣтъ ихъ!

M. Не стану я долго распространяться теперь объ этомъ. Скажу только тебѣ, что ты говоришь наперекоръ своему Спасителю. Онъ сказалъ: *созижду церковь Мою и врата ада, не одолѣютъ ей*. А по-твоему выходитъ, врата ада одолѣли церковь; значить, по твоему, Христосъ сказалъ неправду. Это вѣдь богохульство! Ты утверждаешь объ уничтоженіи таинства приношенія, вопреки апостолу Павлу, который сказалъ, что христіане будутъ въ Евхаристіи воспоминать смерть Христову, *дондеже придетъ* т. е. дотолѣ, пока Онъ не прійдетъ при кончинѣ міра. Ты на этотъ разъ противорѣчишь и толкованію св. отцевъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, изъясняя слова св. апостола Павла: *Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей...*, говоритъ: „Сіе бо знаменуетъ, глаголю: „елижды аще ясте, смерть Господню возвѣщаете, и яко *даже до втораго Его пришествія пребудетъ*, наведе: *дондеже придетъ*.“ (Толков. Апост. л. 536). Онъ же въ бесѣдѣ въ великій четвертокъ (л. 90 изд. 1779) говоритъ: „Той же Христосъ здѣсь присутствуетъ, который сію трапезу устроилъ: сей и сію устрояетъ нынѣ. Не чловѣкъ бо подлежащая въ тѣло и кровь Христову прилагаетъ, но Самъ за насъ распятый Христосъ. Образъ Христа исполняетъ священникъ, стоя и рѣчи оныя провозглашая: сила же дѣла благодать—Божія есть. Сіе есть тѣло Мое, сказалъ Онъ. Сіе слово премѣняетъ подлежащая, и какъ оное изреченіе: „раститесь и множитесь, и наполните землю, и обладайте ею,“ единожды сказанное, чрезъ все продолженіе времени дѣломъ производится, поелику оно укрѣпляетъ естество наше къ дѣлоторенію. Такъ и слово сіе, единою реченное, на всякой въ церквахъ трапезѣ, *отъ того времени до сего дни жертву совершаетъ и до Его*

пришествія совершати будетъ.“ Тотъ же св. отецъ въ толкованіи на зачало 149 къ Кориню. (Толков. Апост. изд. въ Почаевѣ 7292 г. на л. 542) въ разныхъ мѣстахъ говоритъ вотъ что: „А яже самъ Господь содѣла сіе и ученикомъ своимъ и по нихъ сущимъ даже до пришествія своего творити повелѣ“... „И се есть та жертва, юже церковь христіанская, отъ языка избранная, приносить по всей вселеннѣй Господу Богу и до окончанія вѣка приносить будетъ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа на воспоминаніе смерти Его.“ Еще: „Такожде егда будетъ опустошена сія святая жертва, яже не въ церкви Соломоновѣ, но по всей вселеннѣй отъ востока солнца и до запада его, по словеси пророческому, отъ Господа въ церкви Его повелѣна, тогда и міръ скончается.“ Чуешь что!—богда прекратится жертва св. Евхаристіи; тогда будетъ преставленіе свѣта. А по-твоему св. Евхаристія давно прекратилась, выходитъ, давно бы надо быть преставленію свѣта, однако вотъ міръ стоитъ... Толкованіе твое еще противно ученію большого катихизиса, въ которомъ говорится (л. 335): „Сице и сіе слово Господне единою речено бысть еже на вѣхъ престолѣхъ олтаревыхъ даже до дне сею и до пришествія Его подаеть силу жертвѣ.“ Такъ вотъ все говоритъ противъ тебя: и Апостоль, и св. отецъ и уважаемая тобою книга,—и наоборотъ ты говоришь противъ вѣхъ, и противъ Апостола, и противъ Златоустаго, и противъ большого катихизиса. Дальше: *По окончаніи же трехъ временъ и по области скверныя владычества антихристова и егда скончуются вся соблазны на земли, яко же рекоша уста Божія, тогда Господь Спаситель нашъ придетъ, яко молнія блистающая съ небесе.*“ Что значить по окончаніи трехъ временъ? Какія три времени? *(Окончаніе будетъ.)*

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

объ изданіи ежемѣсячнаго журнала
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

въ 1869 году.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе*, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1869 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному настроенію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія.

Въ составъ журнала будутъ входить по прежнему:

- 1) Труды относящіяся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866 году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*.
- 2) Статьи догматическаго и нравоучительнаго содержанія. При семъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями Православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи.
- 3) Разказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи Русской Церкви.
- 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 5) Статьи относящіяся къ Православному Богослуженію.
- 6) Очерки изъ священной географіи
- 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ.
- 9) Миссіонерскія записки.
- 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ.
- 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки остается прежняя: 3 р. сер.; съ доставкою на домъ жителямъ Москвы—3 р. 50 к., какъ и прежде. Но цѣна изданію съ пересылкою иногороднымъ, вслѣдствіе новыхъ почтовыхъ правилъ, увеличивается на 25 коп.: иногородные подписчики благоволятъ присылать въ Редакцію за годовое изданіе съ пересылкою не 3 р. 50 к., какъ было прежде, а 3 руб. 75 коп.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры *Душеполезнаго Чтенія* за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы отпускаются по два рубля съ пересылкой, за 1867 и 1868 годы по 3 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно въ редакцію *Душеполезнаго Чтенія* въ Москвѣ. Въ почтовыхъ мѣстахъ допускается только приѣмъ пакетовъ съ подпискою; адресуемыхъ въ редакцію, а не самая подписка.

Издатель и редакторъ священникъ *Василій Нечаевъ*.

№ 2-1814
Редакторъ, Ректоръ семинаріи, протоіерей *Іоаннъ Лаговскій*.

Дозволено цензурою. Пермь. 15 декабря 1868 г.

Печатано въ типографіи Поповой.